

Грустный юбилей

К 75-летию со дня рождения и 5-летию со дня смерти Семёна Левина

1 июля 1990 года телеграф принес горестную весть: в американском городе Сан-Хосе умер Семён Яковлевич Левин. Кем же был этот человек, чья смерть потрясла многих? Выдающимся музыкантом-исполнителем. Замечательным музыкальным ученым-первооткрывателем. Известнейшим педагогом, создателем собственной школы.

Левин был красивым человеком, необыкновенного обаяния, даже магической привлекательности — мужчина атлетического телосложения, мягкий и уверенный в движениях, обладавший, что называется «породистой» внешностью. Его пронзительные глаза излучали такую силу, что, думается, немало красавиц были сражены в самое сердце... Умение выражать свои мысли открывало в нем превосходного рассказчика, умного, интеллигентного. И еще — ироничность и самоирония — вот качества, без которых портрет Левина был бы немислим.

Люди, не знавшие, что перед ними музыкант, могли подумать, что Левин — знаменитый спортсмен: великолепная осанка, пластичность и уверенность в движениях. Левин любил теннис. Но как целеустремленная натура он должен был свои таланты раскрыть в полной мере — и отдавался этому прекрасному виду спорта со всей страстью, увлекая окружающих. Если бы не музыка, он смог бы стать большим спортсменом. По крайней мере, 1 спортивный разряд и право выступать первой ракеткой общества «Спартак» тому подтверждение.

Талант Левина-музыканта проявился необыкновенно рано. Он родился 1 марта 1920 года и рос в большой музыкальной семье. Его незаурядное дарование подкреплялось редким умением делать домашние занятия осмысленными. Это, забегая вперед, стало впоследствии одним из кредо Левина-педагога. Результаты не замедлили сказаться. Еще только поступив в класс выдающегося профессора-фаготиста Ленинградской консерватории А. Васильева, восемнадцатилетний Левин был принят в легендарный оркестр Мариинского театра, а через год становится солистом группы! Имя Левина становится известно всем музыкантам страны — ведь он на протяжении многих лет являлся концертмейстером группы деревянных духовых инструментов в бытность главными дирижерами театра А. Пазовского, Б. Хайкина и С. Ельцина и под его «началом» были такие корифеи, как Лев Перепелкин (флейта), Владимир Курлин (гобой), Давид Райтер и Исаак Рогинский (кларнеты).

В течение 40 лет (с 1945 года) Левин вел класс фагота в музыкальном училище при Ленинградской консерватории. С первых же лет он — авторитетнейший педагог, причем не только для фаготистов, духовиков, но и для струнников, пианистов, теоретиков! К Левину за советом шли маститые музыканты. Левин был прежде всего музыкантом, музыкантом-просветителем. Уроки в его классе становились для многих приобщением к музыке, к пониманию сути творчества.

По окончании консерватории Левин в 1945 году поступил в аспирантуру. Его руководители — авторитетнейшие профессора А. Васильев, В. Генслер и Л. Раабен; защитил кандидатскую диссертацию (1951, «Развитие выразительных средств фагота в русском музыкальном творчестве XVIII века»). Защита прошла не просто блестяще, но была отмечена Ученым советом консерватории как музыкально-ведческая. Это открывало перспективу, которая и привела Левина в науку. В 1963 году он стал старшим научным сотрудником сектора инструментоведения Ленинградского института театра, музыки и кинематографии.

Темы музыкаловедческих работ Левина — Глазунов и Бетховен, балеты Глиэра и Про-

кофьева, российские оркестры начала XVIII века и музыкальные инструменты адыгейского народа. Левин принимал активнейшее участие в создании советского тома Всемирной музыкальной энциклопедии инструментов, осуществил общую редакцию книги К. Верткова «Русские народные музыкальные инструменты». Попутно он не упускал случая поддержать новое, пока еще не оцененное современниками (как было в случае с изобретателем новой системы фагота В. Бубновичем), или помочь советом и делом будущему мастеру по изготовлению старинных инструментов (Ф. Равдоникасу). Главный труд, как бы подводящий итог изысканий Левина-музыковеда, — двухтомник «Духовые инструменты в истории музыкальной культуры». В этом фундаментальном исследовании, охватывающем период с IV тысячелетия до нашей эры до середины XIX века, впервые на русском языке рассказывается обо всех известных науке духовых музыкальных инструментах. Левин подробно исследовал особенности различных школ инструментостроения (мастерских), а также впервые в мировом инструментоведении выявил взаимосвязь композитор — музыкальный мастер. Кстати, первоначально С. Левин предложил издательству тему «Деревянные духовые инструменты...», но согласился расширить рамки исследования, понимая, что в случае его отказа аналогичная работа, посвященная медным духовым инструментам, вряд ли появится в обозримом будущем. Работа над двухтомником продолжалась не менее 15 лет, а фактически — всю жизнь ученого. Материалы книг легли в основу докторской диссертации, защищенной Левиным в 1980 году. Создание третьего тома, охватывающего период с середины XIX века до наших дней, продолжалась Левиным до последних дней его жизни и, к сожалению, осталась незавершенной.

Со времени выхода в свет обеих книг (1973 и 1983 годы) появились новые источники, были отысканы считавшиеся ранее утраченными музыкальные произведения. Все это открывает путь для новых исследований. Но их отправной точкой будут книги С. Левина, давно ставшие учебниками в наших ВУЗах.

К сказанному необходимо добавить, что у такой независимой личности были и недоброжелатели. И даже — на самом высоком уровне. Левин не был и не мог по убеждениям быть членом КПСС. Не последнюю роль сыграла и пресловутая «пятая графа».

Дважды в жизни он вынужден был испытать на себе все прелести своего положения. В 1960 году группа оркестрантов Кировского театра, под «прикрытием» тогдашнего директора оркестра, потребовала от партбюро и дирекции увольнения Ле-

вина, обвиняя его в нарушении дисциплины, срыве спектаклей, репетиций и тому подобных грехах. (Характерно, что эта «группа товарищей» уклонилась от обсуждения профессиональных качеств Левина.) «Дело» было шито белыми нитками и имело не прикрыто антисемитский душок. Эта история получила в музыкальных кругах столь оглушительно отрицательный резонанс, что, дабы не доводить дело до судебных инстанций, в высоких партийных кабинетах, куда был приглашен «нарушитель дисциплины», ему были принесены извинения, а также на выбор предложены сразу четыре места работы, в частности: солиста оркестра Кировского театра, первые места в обоих оркестрах Ленинградской филармонии и, на всякий случай, должность научного сотрудника в исследовательском отделе Ленинградского института театра, музыки и кинематографии. Левин, не раздумывая, выбрал последнее. Так, перед молодым ученым этот, с позволения сказать, случай открывал сказочные перспективы... Увы, наша сказка с печальным концом. Если в 1960 году сорокалетний Левин с легкостью сокрушил своих недоброжелателей, то в 1984 году ему, уже немолодому человеку (и, как мало кому известно, тяжело больному сахарным диабетом) пришлось гораздо сложнее. Речь идет о знаменитом «Деле Альфреда Мирека» (закупка ЛГИТМиКом гармоник у этого известного ученого и коллекционера по якобы завышенной стоимости). В тот момент Левин являлся хранителем Выставки музыкальных инструментов Института и, неожиданно для многих, по воле прокуратуры, этот кристально честный человек из свидетеля по делу превратился в обвиняемого. Левину было предъявлено обвинение в хищении и подмене 64(!) музыкальных инструментов из коллекции Выставки. Являясь единственным в стране специалистом, Левин потребовал независимой экспертизы. Для этого нужно было приглашать ученых из-за рубежа. А это, помимо огласки, могло бы сразу же выявить некомпетентность следствия. Естественно, Левину в этом было отказано. Но следствие должно было быть подтверждено экспертизой. И экспертами были назначены не просто несведущие, а явно тенденциозно настроенные «специалисты». И все же, несмотря на подобную «объективность» следствия, обвинение с 64 пунктов свелось к пяти. А после того, как в запасниках Эрмитажа были обнаружены недостающие инструменты, обвинение развалилось. Справедливость восторжествовала. Но цена победы оказалась слишком дорогой. И потому, что друзья и соратники (упоминавшиеся в статье Л. Раабен и Ф. Равдоникас) согласились свидетельствовать в пользу следствия, и потому, что борьба с правосудием подорвала здоровье Левина и веру в то, что в таком «окружении» ему дадут спокойно работать. А без работы он себя не мыслит.

Чужбина приняла Левина, как подобает принимать ученого с мировым именем: публикации, семинары, лекции... Но, увы, дни его были сочтены. И поэтому сейчас, мысленно отмечая 75-летний юбилей С.Я. Левина, не хотелось бы думать о пятилетии со дня его кончины, тем более, что он написал, на своем фото: «Давай не расставаться никогда», зная, что, скорее всего, мы уже не увидимся.

Виктор КОЗЛОВ